

Я. А. Васильев

НОВГОРОДСКИЕ РОСТОВЩИКИ (конец XIX – начало XX в.)

Ростовщичество является одним из самых древних видов финансовой деятельности в истории человечества. Ростовщичество упоминается во всех древних памятниках литературной и религиозной мысли (Библия, Евангелия, летописи и др.). Несмотря на традиционное безоговорочное осуждение данной практики, особенно в виде промысла, оно, тем не менее, было широко распространено во всех странах и цивилизациях, прежде всего из-за непрекращающегося спроса на услуги ростовщиков, практически, во всех слоях населения. Этим и объясняется неистребимость данного явления, которое пошло на спад только после создания действенной системы кредита в буржуазном обществе (в России – после отмены крепостного права), значительное число банкиров и вышло именно из ростовщиков. Однако ростовщичество так никогда окончательно и не исчезло, продемонстрировав поразительную живучесть и приспособляемость, изворотливость, способность к развитию новых форм.

Даже после гонений ростовщичество достаточно быстро восстанавливало свои позиции. Причина в том, что организовать сколько-нибудь значимое торговое предприятие или ремесленную мастерскую невозможно было без свободных средств, которые можно было взять, как правило, только у ростовщиков. Поэтому в кабальной зависимости от них находились представители самых разных слоев общества – от князей до крестьян и ремесленников.

Ростовщичество были неотъемлемой частью социально-экономической жизни на всем протяжении дореволюционной истории России. Только после 1917 г. этот род деятельности начинает постепенно исчезать, уступая место ломбардам. Традиционно негативное отношение к ростовщикам, тем не менее, не могло заставить отказаться от их услуг, ибо обстоятельства были сильнее. В этом отношении власти могли не столько бороться с ростовщичеством (так как причина его породив-

шая – нехватка денег – не могла быть ликвидирована), сколько попытаться ввести его в определенные законодательные рамки и хоть как-то контролировать.

При этом ссуда денег в рост переходила в разряд предосудительных только при создании тяжелых для заемщика условий. По законам Российской империи выдачу денег в ссуду под проценты (залог или расписки) могли осуществлять как содержатели ссудных касс, так и частные лица, но при строгом оформлении сделок. Существовал и третий, самый опасный вид заимодавцев, ссужавших деньги без надлежащего оформления, зачастую под честное слово и, как правило, под высокие проценты. Больше всего таких ростовщиков было на селе, где они могли принимать в залог зерно и другие продукты, домашний скот и проч.

Благодаря художественной литературе сформировался устойчивый стереотип ростовщика, знакомого нам из романов О. де Бальзака («Гобсек»), В. В. Крестовского («Петербургские трущобы» и «Петербургские типы»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание»), например, всем известная старуха-процентщица. Однако на деле этим промыслом занимались представители всех слоев населения. Так, последним ростовщиком А. С. Пушкина был Алексей Петрович Шишкин – отставной подполковник Корпуса инженеров путей сообщения. По законам Российской империи любой человек (кто сам мог отдавать деньги займа) мог заниматься и приемом в заклад движимого имущества, и ссужать деньги в рост.

Однако порядок оформления залогов на дому представляло большое поле для злоупотреблений и других негативных действий. Прежде всего, это касалось подставных лиц, оформления расписок, актов и др., поэтому власти считали, что лица, занимавшиеся ростовщичеством в виде промысла, должны были не проводить эти сделки на дому, а открывать специальные конторы или кассы по выдаче ссуд под залог движимых вещей, где легче было бы контролировать эту деятельность.

Таким образом, ростовщики, желавшие легализовать свой промысел, могли организовать кассу по приему вещей в залог, оформив для этого необходимые документы. Однако для этого еще нужно было получить разрешение у губернатора или градоначальника. В этом случае их деятельность приобретала законный и обоснованный характер (как бы имея одобрение властей), и ростовщик имел надежду на более сдержанное отношение к себе и к своему делу.

Зачастую ростовщики сами были заинтересованы в легализации своей деятельности и действительно предпочитали открывать ссудные кассы, а не подставные фирмы или мастерские (например, переплетные, стекольные или другие). Профиль таких мастерских позволял мало заниматься заявленной деятельностью, а служил на самом деле прикры-

тием для выдачи ссуд ростовщического характера. Однако получить разрешение на открытие ссудной кассы было непросто.

Характерно, что условия открытия и отдельные вопросы деятельности этих касс размещались в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» Свода законов Российской империи, во второй главе устава «О предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах». В первой же ее статье отмечалось, что «На обязанность полиции возлагается, чтобы вредные ростовщики и лихоимцы, как сущие хищники были строжайше преследуемы»¹. Это хорошо иллюстрирует отношение властей и населения к данному промыслу.

Характерным примером подобного отношения служит затянувшаяся история с безуспешными попытками учредить (а, фактически – легализовать) в Новгороде ссудные кассы под залог вещей, продолжавшаяся в одном случае в середине 1870-х, а в другом случае – в 1880-х гг. Недостаточная проработка антиростовщического законодательства и недоброжелательное, а, зачастую, и прямо негативное отношение властей и общественности проявились в этой истории очень ярко.

В 1872 г. отставной унтер-офицер Мовша Поляк ходатайствовал об открытии в Новгороде ссудной кассы на основании составленных им же самим правил. 13 марта он обратился за разрешением в городскую управу. Однако «Управа, не имея в виду, чтобы ссудные кассы, учреждаемые частными лицами, причислялись к торговым заведениям и, следовательно, разрешение таковых зависит от правительства...» обратилась к губернатору, а тот в свою очередь – в МВД².

После рассмотрения городскими властями правил планируемой кассы М. Поляка было установлено, что «Из правил этих видно, что ссудная касса открывается в тех видах, чтобы дать возможность пользоваться бедным жителям краткосрочным кредитом под залог за возможно умеренные проценты и тем избавить их от негласного ростовщичества (§ 1)»³. Однако из этих правил следовало, что ссуда за залог вещи выдавалась из 2/3 оценки за вычетом «интересов» в пользу кассы за время пользования вперед (§ 4); «интерес» кассы составлял 3/4% в мес., 4% – за хранение залога и 1/4% – страховка (§ 5), итого – 6% в месяц или 72% в год «... что не может признаваться нестеснительным»⁴.

¹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи (далее – СЗ). Т. XIV. Гл. 2. О предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах. Ст. 249–259.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд под залог вещей, по ходатайству отставного унтер-офицера Мовши Поляка. 12 июня 1872 г. – 31 мая 1876 г. Л. 4.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1 об.

Губернское правление не имело никаких указаний о предоставлении частному лицу права открыть подобную кассу, кроме Устава С.-Петербургского частного ломбарда (№ 152 и 153 Правительственного вестника за 1870 г.), по которому разрешено взимать проценты, «несравненно» меньшие, чем предполагал брать М. Поляк. В связи с этим последовало обращение губернского правления к губернатору, а затем, 27 мая 1872 г., и отношение новгородского губернатора Э. В. Лерхе, вице-губернатора О. Ф. Отта из новгородского губернского правления в Департамент полиции исполнительной (МВД) за разъяснениями с приложением правил кассы М. Поляка⁵.

10 июля 1872 г. из Хозяйственного департамента МВД за подписью товарища (заместителя) министра статс-секретаря кн. А. Б. Лобанова-Ростовского (в тексте – просто Лобанов. – *Я. В.*) и вице-директора департамента А. Г. Вишнякова ответили, что по ст. 2 Городового положения 1870 г. этот вопрос необходимо передать на рассмотрение Новгородской городской думы «... и в дальнейшем направлении онаго поступить согласно с установленным порядком»⁶.

Соответствующая выписка из постановления Новгородской городской думы датирована 10 октября 1872 г.. Однако управа решила не ограничиваться только запретительными мерами и после этого обратилась в городской общественный банк для составления своего заключения «...с присовокуплением в видах уничтожения ростовщичества и в пользу самого города, не следует ли увеличить число дней в неделю для выдачи обывателям из банка ссуд под ручные вещи, неподверженные порче». На это банк 17 октября за № 2418 уведомил, что «...по мнению правления банка, производство означенных ссуд – три дня в неделю – достаточно удовлетворит эту потребность, и прибавить число дней, не представляется удобным без увеличения настоящего состава канцелярии банка»⁷. По поводу же планируемой кассы «...банк находит, что составленные Мовшем Поляк правила ссудной кассы вовсе не соответствуют цели доставить возможность недостаточным жителям города пользоваться кредитом за умеренные проценты ... (т. е. 6% в месяц. – *Я. В.*) ... таковой обременительный процент едва ли можно допустить в гласно открытой кассе, целью которой должно быть уничтожение ростовщичества...»⁸.

Управа посчитала, что открытие ссудной кассы на представленных М. Поляком условиях, которые «не выгодны для жителей», не вызывается необходимостью, так как в Новгороде уже существует городской общественный банк, который на основании ст. 93 и 105 Положе-

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд ... Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 4 об.

ния о банках 1862 г., принимает к залогоу вещи, неподверженные порче «за весьма выгодный процент», – 8% годовых (а не 6% в месяц, т. е. – 72% в год. – Я. В.)⁹. Дума отмечала, что залогов в городском банке гарантируются ручательством всего городского общества (ст. 25 нормального Положения городских банков) – чего нет у частных ссудных кассиров и от этого может пострадать заемщик¹⁰.

Таким образом, «Городская дума, выслушав доклад управы по ходатайству Мовши Поляка о дозволении открыть ссудную кассу в Новгороде и приняв во внимание, что городское население при существовании банка не встречает необходимости в открытии ссудной кассы и что условия, предлагаемые просителем, представляются отяготительными для заемщиков, определила: в открытии ссудной кассы ему отказать»¹¹.

Однако дело на этом не закончилось, ибо на постановление думы М. Поляк принес жалобу, и через два года губернатор Э. В. Лерхе 16 декабря 1874 г. в отношении министра внутренних дел Е. А. Тимашева отметил, что городская дума, обсудив этот вопрос, выяснила еще обстоятельства, не позволяющие учредить ссудную кассу.

Губернатор писал, что дума «... Нашла, что Поляк, как состоящий в столярном цехе маляром, согласно 109 ст. и 5 прим. 4 ст. по прод. 1868 г. Устава ремесленного и циркуляра МВД от 16.02.1866 г. № 1257, равно 128 и 131 ст. Устава торгового, имеет право производить торговлю по свидетельству 2 гильдии только предметами своего ремесла или мастерства, а не предметами, ремеслу его совершенно чуждыми; евреям же купцам 2 гильдии (ст. 131) дозволяется только приезжать самим или присылать вместо себя приказчиков в столицы и другие города для покупки товаров один раз в год на 2 месяца. Следовательно, Поляк, как причисленный в купеческое сословие, может пользоваться только сословными, но не торговыми преимуществами, не соответствующими его малярному мастерству. На сем основании и содержание ссудной кассы, как подходящей по роду производимых в ней операций к разряду промышленных и торговых заведений, но не относящейся к специальному ремеслу маляра, составляет прямое нарушение вышеизложенных статей закона, а потому подлежит воспрещению. За сим в видах общественной пользы, желая, чтобы точно были определены отношения лиц, выдающих ссуды, к закладчикам и над первыми учреждаем правильный контроль, дума, одобрив составленный городской управою проект правил по сему предмету, вошла ко мне с ходатайством о представлении

⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд ... Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 36.

¹¹ Там же. Л. 5.

такового на утверждение правительства и о закрытии ссудной кассы купца Поляка»¹².

Иными словами, если М. Поляк – маляр, то пусть занимается тем делом, которое зарегистрировал и продает результаты своего труда беспрепятственно. Дело в том, что ремесленников на местах остро не хватало, поэтому власти мирились с нахождением купцов-евреев и вне черты оседлости¹³ (куда Новгородская губерния не входила). Однако их приезд по торговым (а, значит, и ссудным) делам уже был обставлен значительными ограничениями и лишь на короткое время (эти меры не касались только купцов-евреев 1 гильдии). Таким образом, городская дума как бы намекала Поляку о проблемах дальнейшего нахождения в Новгороде, если он будет без разрешения продолжать заниматься ссудами. Правда, М. Поляк имел право проживать вне черты оседлости в силу ст. 3 п. 4 Положения о нижних воинских чинах 25 июня 1867 г.¹⁴ Более того, мы узнаем, что ссудная касса все-таки действует, раз существует ходатайство о ее закрытии.

«...Присутствие, по соображении их с VII § прил. к ст. 1124, 1125, 1152, и ст. 1215 Устава уголовного судопроизводства, признало, что разрешение вопроса о закрытии кассы должно зависеть от суда (*напротив этих слов, подчеркнутых карандашом, на полях стоит знак вопроса. – Я. В.*). За сим присутствие определило: не отменяя постановления думы, жалобу Поляка оставить без уважения»¹⁵.

В целях противодействия частной ссудной кассе городская управа составила свой проект правил кассы ссуд, о которых губернатор Э. В. Лерхе отметил, «...что проектируемые правила имеют целью облегчить условия пользования кредитом недостаточному классу общества под залог движимости и вместе с тем оградить от произвола, какой допускается ссудными кассами, подобными открытой купцом Поляком»¹⁶. Оба проекта правил были приложены к делу.

«Проект правил об устройстве в Новгороде кассы для ссуды денег под заклад движимого имущества»¹⁷, разработанный управой, составил 40 страниц с подробной проработкой операционной стороны и ответственности сторон, с механизмами противодействия произволу ссудодателя. Проценты составляли: 0,5 коп. с рубля в мес. (т. е. 0,5%. – Я. В.), за хранение – не свыше 3% в месяц, особой платы по страхованию залогов не предусматривалось, все подобные расходы нес ссудодатель («ссудчик»). Размер ссуды и оценка вещи определялись по взаимному

¹² РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд... Л. 8.

¹³ Лесков Н. С. Евреи в России // Совершенно секретно. 1989. № 3. С. 22. URL: <http://magzdb.org/num/3150953> <http://magzdb.org/file/443715/dl>

¹⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд... Л. 37 об.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10–30 об.

соглашению, срок ссуды – не более года (§ 9–11)¹⁸. Льготный срок для выкупа залога – 1 мес., а не 15 дней, как у М. Поляка (§ 21), но до продажи, например, с торгов вещь могла быть выкуплена (§ 22). Содержатель кассы за нарушение правил подвергался штрафу до 100 руб., а также и другим наказаниям вплоть до закрытия кассы.

Для сравнения – правила, разработанные М. Поляком из 7 пунктов, составили 1,5 страницы убористым и 2,5 страницы писарским почерком¹⁹.

Несмотря на постоянные отказы и противодействия властей, М. Поляк упрямо продолжал заниматься выдачей ссуд, причем именно в кассе. Так, в докладе городской думы от 24 июля 1874 г. (за подписью городского головы Я. И. Журавлева) отмечалось, что, несмотря на отрицательный ответ из МВД, губернского присутствия и управы «...касса Поляком открыта».

Выяснилось, что Поляк получил на свой запрос об открытии ссудной кассы от полицмейстера (полк. В. И. Аристов. – *Я. В.*) ответ, который посчитал (или сделал вид, что посчитал) положительным, в другие вышестоящие инстанции обращаться больше не стал и открыл кассу ссуд.

«После открытия Поляком ссудной кассы, на запрос управы – с чьего разрешения и на каком основании открыто это заведение, г. полицмейстер 11 мая 1873 г. за № 2941-м, уведомил, что 13 марта им выдано было Поляку свидетельство о том, что на открытие этого заведения нет с его стороны препятствий, в чем было отпечатано и объявление, но по такому свидетельству он, Поляк, ни что иного, как обязан был испросить у кого следует разрешения на открытие означенного заведения»²⁰.

В процессе рассмотрения вопроса дума отметила, что хотя на основании ст. 1665 I части X тома Свода законов Российской империи, принимать в заклад движимое имущество может всякий человек, кто вправе отдавать займы деньги, однако, согласно разрешению Правительствующего Сената (по гражданскому кассационному Департаменту 1870 г. № 1642) акт о закладе движимого имущества может получить обязательную силу только в том случае, если он совершен с соблюдением всех форм и «обрядов», указанных в ст. 1667–1668 I части X тома Свод законов²¹.

Дума считала, что Поляк никаких форм и «обрядов» не соблюдает, а действует так, как ему удобно: «...санкт-петербургским обер-полицмейстером еще в 1868 г. представлены были г-ну министру внут-

¹⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд ... Л. 13 об.

¹⁹ Там же. Л. 1, 42–43 об.

²⁰ Там же. Л. 32–32 об.

²¹ Там же. Л. 33.

ренных дел проектируемые им правила об устройстве в Санкт-Петербурге ссудных касс... (хотя заключения о них пока не поступило – л. 45. – Я. В.) ... Между тем, отставной унтер-офицер из евреев Мовша Поляк, миновав надлежащие инстанции, содержит ссудную кассу по составленным им самим правилам, для соблюдения своего интереса...»²².

Но даже с закрытием кассы Поляка, дума не добилась бы ощутимой победы без введения в действие правил, составленных ею, так как оказалось, что «в Новгороде, с начала текущего года существует другая ссудная касса купца Ивана Алексея Гусева, на открытие которой он, хотя и не испрашивал разрешения управы, но в данном на запрос управы в феврале месяце г. полицмейстеру отзыве объяснил, что с 1 января сего года им открыто заведение покупки и продажи разного рода движимости на основании 2 ст. Устава о пошлинах за право торговли, а равно и имеющихся у него при этом заведении документов купеческого 2-й гильдии свидетельства за № 201 и билета на торговое и промышленное заведение № 202»²³.

В связи с этим управа запросила городскую думу о полномочиях ходатайствовать перед губернатором о закрытии кассы и принятии новых правил²⁴. Дума в присутствии 22 гласных управу на это уполномочила (Журнал Новгородской городской думы 24 июля 1874 г.)²⁵. 6 февраля 1876 г. новгородский вице-губернатор снова обратился в Хозяйственный департамент МВД о введении новых правил по устройству ссудных касс²⁶. Хозяйственный департамент в свою очередь 10 марта 1876 г. обратился о состоянии дела в Департамент торговли и мануфактур²⁷.

17 мая 1876 г. министру внутренних дел Е. А. Тимашеву ответил министр финансов М. Х. Рейтерн, что «... помянутый проект, по надлежащем исправлении, мог бы быть утвержден лишь законодательным порядком, а между тем, особою комиссией, состоящею при II Отделении СЕИВК уже составлен, как известно Вашему Высокопревосходительству, проект общих правил для производства в виде промысла денежных ссуд под заклад и сделанные мною на этом проекте замечания сообщены г. министру юстиции в отношении от 28 января 1876 г. за № 1278, то в настоящее время было бы неудобно дать ход проекту правил для производства таких ссуд в г. Новгород»²⁸.

²² РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд ... Л. 34.

²³ Там же. Л. 39 об.

²⁴ Там же. Л. 40.

²⁵ Там же. Л. 41.

²⁶ Там же. Л. 46.

²⁷ Там же. Л. 47.

²⁸ Там же. Л. 48–48 об.

31 мая 1876 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел, статс-секретарь А. Б. Лобанов-Ростовский сообщил об этом новгородскому губернатору Э. В. Лерхе²⁹. Таким образом, проект правил новгородской городской думы в действие не вступил, а борьба с легальными и подпольными кассами ссуд приняла затяжной характер.

История имела продолжение в 1879–1882 гг., когда в открытии кассы было отказано и М. Поляку, и Лазарю Гиршевичу Якубовскому, купеческому сыну. Дело даже разбиралось в Сенате, куда Якубовский подал жалобу на новгородское губернское правление «за недозволение» открыть в Новгороде кассу ссуд (рассматривалось 6 апреля 1882 г. в присутствии четырех сенаторов)³⁰.

К губернатору Э. В. Лерхе он обратился 13 февраля 1881 г., обещая, что в случае учреждения кассы ссуд с каждого прибыльного рубля будет жертвовать $\frac{1}{2}$ коп в пользу Общества попечительства о бедных города Новгорода и что залог в 4000 руб. будет им представлен.

Полицмейстер (подп. Б. А. Сесицкий. – Я. В.) дал положительную оценку о его благонадежности, но городской голова Я. И. Журавлев заявил, что ввиду того, что 17 марта 1880 г. городская дума снова не разрешила Моисею Ааронову Поляку открыть ссудную кассу («в виду изменившегося семейного положения просителя и неимения возможности представить следуемый по кассе залог»³¹), то он, со своей стороны, признает невозможным дать окончательное заключение по ходатайству Л. Якубовского без особого решения думы. Однако он полагает, что при существовании в Новгороде двух банков (городского общественного и общества взаимного кредита. – Я. В.) к открытию подобной кассы надобности не представляется.

Новгородское губернское правление согласилось с этим, на что Л. Якубовский и подал жалобу, отмечая что: 1) открытие ссудных касс разрешено в империи (Высочайше утвержденное мнение Госсовета 24 апреля 1879 г.); 2) банки служат только для приема драгоценных вещей, но не предметов обыденного быта; 3) что Новгородское общество взаимного кредита производит операции исключительно со своими членами, обязанными сделать вступительный взнос не менее 50 руб.; 4) что банки бывают открыты только в известные дни; 5) это создает затруднения нуждающимся и они продают скарб первым попавшимся; 6) по кассовым книгам можно легко контролировать «ссудчика».

Однако отказ Новгородского губернского правления был подкреплен высочайше утвержденным мнением Госсовета от 24 апреля 1879 г.,

²⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде... Л. 49–49 об.

³⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1498. По определению Сената о дозволении Якубовскому открыть в г. Новгороде ссудную кассу. Л. 1–17.

³¹ Там же. Л. 10 об.

где разрешение данных касс частным лицам было поставлено в безусловную зависимость от личного убеждения лица, разрешающего это (т. е. – губернаторов, кроме Москвы и Петербурга). Это и было отражено в постановлении Новгородского губернского правления от 11 мая 1881 г.

Но Сенат учел и доводы Якубовского, и положительный отзыв о его благонадежности, признал его жалобу заслуживающей удовлетворения и в составленном проекте определения (решения) отменил постановление Новгородского губернского правления с предписанием ему «войти» в новое рассмотрение дела.

Однако этот проект определения Сената, направленный на подпись министру внутренних дел, вернулся неподписанным с отзывом на имя обер-прокурора от 9 февраля 1883 г. В нем указывалось на п. 2 Городового положения 1870 г. и ст. 8 и 9 Высочайше утвержденных 24 апреля 1879 г. правил о ссудных кассах, где «начальство» при выдаче разрешений на открытие ссудных касс должно было руководствоваться не только сведениями о личности просителя и нравственных его качествах, но и с теми данными, относительно потребности для города в учреждениях сего рода, которые сообщаются местной городской думой.

А так как местная дума высказалась, что кроме общества взаимного кредита, действующего со своими клиентами, существует и городской общественный банк «...удовлетворяющий потребности в мелком кредите всех вообще местных жителей, между прочим, и путем выдачи им денежных ссуд под залог движимости, т. е. операции, присвоенным ссудным кассам, от товарища министра по соглашению с министром финансов, не усматривал бы в обжалованном постановлении Новгородского губернского правления по сему делу каких либо неправильностей»³².

Из двух справок, подшитых к делу, от 15 июня и 26 октября 1883 г. следует, что в деле новых изменений нет, и из наложенной карандашной резолюции на последней справке следует, что решение по этому вопросу зависит лично от губернатора³³.

Характерно, что переписка по делу Л. Якубовского, в отличие от дела М. Поляка очень незначительна – всего три письма между Хозяйственным департаментом МВД и Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов с 5 декабря 1882 г. по 2 февраля 1883 г.

Таким образом, мы видим, что дело о легализации ссудных касс, которые действовали без официального разрешения, фактически не двигалось с мертвой точки, погрязая в бесконечных обсуждениях законодательных тонкостей. При этом явно выделилась сдерживающая (ес-

³² РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1498. По определению Сената... Л. 10–12.

³³ Там же. Л. 13–14.

ли не прямо запретительная) позиция местных властей и, прежде всего, городской думы. Министерства не высказывались столь категорически, выжидая появления более определенных законодательных норм, либо предоставляя право местным властям решать эти вопросы самостоятельно. Тем временем полулегальные ссудные кассы продолжали работать. Что же в их действиях вызывало такую негативную реакцию окружающих? Прежде всего, это, конечно, тяжелые условия, на которых заключались сделки по выдаче денежных ссуд.

Типичная черта ростовщичества – исключительно высокий процент по ссудам, от нескольких десятков до сотен процентов годовых. Так, в Древней Греции были известны случаи ростовщических ссуд с уплатой 48% в месяц (свыше 570% годовых). В средние века феодальная знать, например, уплачивала за ссуды от 30 до 100% годовых³⁴.

Государство всегда по мере сил пыталось ограничить высший размер процента по ссудам. Так, в Европе (например, в Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии) он к началу XX в. установился в 5–6%, в США – в 5–10%. Взимание более высокого процента считалось ростовщичеством и наказывалось уголовным порядком. В России узаконенный максимум был введен с 1754 г., когда он был определен в 6%, с 1786 г. понижен до 5%, а с 1808 г. вновь установлен в 6%. С этого времени взимание процентов свыше нормы в первый раз наказывалось штрафом, а при повторе, кроме того, арестом или тюрьмой³⁵.

Однако в 1879 г. в России узаконенный максимум процентов был отменен. В 1893 г. был издан закон, преследующий ростовщичество при денежных займах. По этому закону, выдача денег займа за более высокий, чем 12% годовых, считалась ростовщической сделкой, если: 1) она заведомо для кредитора является крайне тягостной для должника и 2) если виновный, занимаясь отдачей капиталов в рост, скрыл чрезмерность процентов включением их в капитальную сумму, превращением их в плату за хранение или иным способом; такое ростовщичество каралось тюрьмой сроком от 2 месяцев до 1 года 4 месяцев. Занятие ростовщичеством в виде промысла наказывалось лишением всех особых прав и преимуществ и ссылкой на житье в отдаленные губернии или тюрьмой.

Однако законодательные нормы, которые позволяли бы контролировать явных и подпольных ростовщиков и сдерживать наиболее негативные проявления этой деятельности, разрабатывались трудно и долго. Правила производства ссуд и наказания за их нарушение не были сведены в единый кодекс и оказались рассыпаны по обширному россий-

³⁴ Усоскин В. М. Ростовщический капитал // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 22. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 320. Стб. 946.

³⁵ Соболев М. Ростовщичество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII. СПб., 1899. С. 134.

скому законодательству. Основные из них были сосредоточены в «Своде законов гражданских» («О закладе движимого имущества между частными лицами»)³⁶; в «Уложении о наказаниях»³⁷; в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»³⁸; в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» (Гл. 2 – «О предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах»)³⁹ и в других. Процесс совершенствования законодательства не завершился и в начале XX в., однако некоторые проблемы все же стали решаться проще. Рассмотрим основные положения законодательства о ростовщичестве более подробно.

Основные правила

Выдачу денег в ссуду под проценты (залог или расписки) могли осуществлять как держатели ссудных касс, так и частные лица, но при строгом оформлении сделок. Существовал и третий, самый опасный вид займодавцев, ссужавших деньги без надлежащего оформления, зачастую под честное слово и, как правило, под высокие проценты. Больше всего таких ростовщиков было на селе, где они могли принимать в залог зерно и другие продукты, домашний скот и проч. Плата также могла осуществляться продуктами. Именно их односельчане и называли «кулаками» и «миродами», количество их подсчитать практически невозможно, влияние же распространялось, иногда, на целую волость. Власти также всегда подчеркивали, что делают различие между теми, кто ссужает деньги от случая к случаю, и теми, кто занимался этим в виде промысла. За последними всегда необходимо было держать строгий надзор.

Законодатель требовал обязательного документального оформления ссуды. Содержатель ссудной кассы (разновидность частного ломбарда) делал это в специальной прошнурованной книге. Оформление залога движимого имущества могло быть произведено как у нотариуса, так и на дому. В этом случае акт залога имущества назывался «домовым заемным письмом», составленным в присутствии не менее двух свидетелей⁴⁰. При таком оформлении сделок необязательно было открывать специальную ссудную контору.

В заклад могли приниматься не только драгоценные или носильные вещи, но и другие, гораздо более разнообразные виды закладов: швейные машинки, велосипеды и проч. Например, в сельской местности мог приниматься в заклад не только хлеб, но и рабочий скот, кото-

³⁶ О закладе движимого имущества между частными лицами // СЗ. Свод законов гражданских. Т. X. Ч. 1. Ст. 1663–1678, 2020–2021.

³⁷ Уложение о наказаниях // СЗ. Т. XV. Отд. 9. Ст. 992.1–4.

³⁸ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СЗ. Т. XV. Ст. 108.1–4.

³⁹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗ. Т. XIV. Гл. 2. С. 117–118. Ст. 249.

⁴⁰ Свод законов гражданских // СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 1673.

рый заимодавцу даже разрешалось использовать в работе. Причём если животное за время нахождения в залоге пало (не по вине заимодавца), то он обязан был возвратить хозяину только одну кожу, получив с должника не более половины занятых денег⁴¹.

Более удобным было принимать в заклад драгоценные вещи или ценные бумаги (акции, облигации и проч.). Однако основная масса небогатого российского населения этим видом закладов не обладала, поэтому ростовщикам приходилось принимать в залог самые разнообразные вещи домашнего обихода. Но, в целом, это было более характерно для городских общественных (муниципальных) ломбардов, открывшихся как раз для противодействия многочисленным ростовщикам. В основном они принимали в заклад именно драгоценные вещи, либо выдавали расписки под «честное слово», если считали, что клиент заслуживает такого доверия.

Условия для открытия ссудных касс

Характерно, что условия открытия и отдельные вопросы деятельности этих касс размещались в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» Свода законов Российской империи, во второй главе устава «О предупреждении и пресечении ростовщичества и о ссудных кассах». В первой же ее статье отмечалось, что «На обязанность полиции возлагается, чтобы вредные ростовщики и лихоимцы, как сущие хищники были строжайше преследуемы»⁴². Это хорошо иллюстрирует отношение властей и населения к данному промыслу.

Лицо, желавшее заниматься выдачей ссуд под заклады, должно было получить у губернатора или градоначальника разрешение, которое действовало 5 лет. Решение зависело от личного отношения начальства, и только в случае уверенности в «нравственной благонадежности» просителя было положительным⁴³. Кроме того, он должен был дать подписку в том, что не принадлежит к числу лиц, лишенных права содержать ссудные кассы. Если же подписка оказывалась ложной, то проситель подвергался аресту сроком до 3 месяцев и навсегда лишался права содержать ссудную кассу⁴⁴.

Получивший разрешение на содержание ссудной кассы, обязан был выкупить промысловое свидетельство и внести залог в размере от 1 тыс. до 7 тыс. руб. Сумма залога зависела от размера оплаты сбора за

⁴¹ Свод законов гражданских // СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 1677, прим.

⁴² Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗ. Т. XIV. Гл. 2. С. 117–118. Ст. 249.

⁴³ Там же. Ст. 250, 251, 252.

⁴⁴ Уложение о наказаниях // СЗ. Т. XV. Отд. 9. С. 102, 195. Ст. 992.1.

промысловое свидетельство в данном городе. Залог мог заключаться или в наличных деньгах, или в государственных или гарантированных государством процентных бумагах⁴⁵.

Каждая ссудная касса должна была быть снабжена с наружной стороны дома вывеской. Во внутреннем помещении кассы на видном месте должны были быть выставлены напечатанные крупным шрифтом правила производства операций. На видном месте (чтобы было видно для каждого посетителя) должен был быть обозначен размер взимаемого ежемесячно роста по ссудам и размер платежей за хранение закладов, причем этот размер не мог быть изменен в течение суток⁴⁶.

Содержатели ссудных касс обязаны были ежегодно вести две книги, которые выдавались за надлежащими скрепами по листам и печатью из городских управ или заменяющих их учреждений, а именно – «Книга из закладов» и «Книга продаж», которые велись по формам, установленным Министерством внутренних дел и Министерством финансов⁴⁷.

Книга закладов и книга продаж должны были проверяться не менее одного раза в год особыми комиссиями, состоящими из трех лиц, избираемых местной городской думой и одного члена по назначению полиции. Кроме того, полицейскому начальству и прокурорскому надзору предоставлялось право требовать от комиссии в любое время внезапной ревизии книг того или иного содержателя ссудных касс⁴⁸.

Содержатели ссудных касс и их приказчики за присвоение, растрату, самовольное пользование или сдачу в пользование заложенных предметов, а также за ростовщичество подвергались наказанию, определенному законом, и кроме того, лишались навсегда права содержать ссудную кассу⁴⁹.

За отсутствие записей в прошнурованных книгах, а также за приобретение закладов в собственность с нарушением правил (например, когда на них не будет покупателей при публичной продаже) виновные подвергались денежному взысканию в размере не менее 100 руб. и навсегда лишались права содержать ссудную кассу⁵⁰.

Содержатели ссудных касс, признанные виновными в третий раз за нарушение правил об оформлении вывесок, объявление размеров залога, правил о порядке открытия и содержания ссудных касс, размера ссудного процента, могли быть навсегда лишены права содержать ссудную кассу (независимо от определенных за эти нарушения наказаний)⁵¹.

⁴⁵ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // СЗ. Т. XIV. Гл. 2. С. 117–118. Ст. 253, 254.

⁴⁶ Там же. С. 256.

⁴⁷ Там же. С. 257.

⁴⁸ Там же. С. 258.

⁴⁹ Уложение о наказаниях // СЗ. Т. XV. Отд. 9. Ст. 992.2.

⁵⁰ Уложение о наказаниях // СЗ. Т. XV. Отд. 9. Ст. 992.3.

⁵¹ Там же. Ст. 992.4.

Условия производства ссудных операций

Законодатель ввел существенные ограничения для организации производства ссуд под залог недвижимого имущества:

1. Если оно было заложено без разрешения его хозяина. В этом случае ссуда возвращалась последнему, заимодавцу же предоставлялась возможность взыскать деньги по акту залога с того, кто его сделал, то есть с заложника.

2. Нельзя было закладывать имущество, если оно было описано или состояло в секвестре по другим взысканиям.

3. Запрещалось закладывать казенное оружие, мундиры или другие предметы амуниции, которые были заложены нижними воинскими чинами (кроме выслуживших свой срок, т. е. списанных). В этом случае заимодавец обязан был вернуть всё заложенное назад безвозмездно⁵². Однако в этом случае возникает вопрос о залоге аналогичных вещей не солдатами, а офицерами.

За прием в заклад от нижних чинов упомянутых выше вещей, виновные могли быть подвергнуты денежному взысканию не выше тройной цены этих вещей⁵³.

Однозначно запрещался заем под заклад для игры (с ведома заимодавца). Такой заем не только считался недействительным, но и сам заклад переходил в казну, и половина его стоимости выплачивалась должителям⁵⁴.

Если заложники на движимое имущество, как и домовые заемные письма, не были в срок оплачены, то заимодавец должен был не более, чем за три месяца после этого срока или представить их к взысканию, или предоставить нотариусу для сведения. В случае, если это не было сделано, то заимодавец мог потерять право на законное взыскание ссуды⁵⁵.

За ссуду капитала в чрезмерный рост или под обеспечение чрезмерной неустойки заимодавец мог быть подвергнут заключению в тюрьму на срок от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев, а также по усмотрению суда денежному взысканию (не свыше 300 руб.). Это происходило, если:

1. Заемщик был вынужден из-за стесненных обстоятельств (причем известных заимодавцу) принять условия ссуды, которые были крайне обременительны или тяжёлы по своим последствиям.

⁵² Свод законов гражданских // СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 1664.

⁵³ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СЗ. Т. XV. Ст. 180.1.

⁵⁴ Свод законов гражданских // СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 1666.

⁵⁵ Там же. Ст. 1667.

2. Если заимодавец скрыл чрезмерность процентов каким-либо способом, например включением роста в капитальную сумму в виде платы за хранение или неустойку и т. п. Однако рост, не превышавший 12% в год, по закону не считался чрезмерным⁵⁶.

Виновные в повторном применении чрезмерного процентного роста или в том, что они воспользовались стесненными обстоятельствами, известными заимодавцу, и заставили принять крайне обременительные условия ссуды, подвергались наказанию в виде лишения всех личных, присвоенных им прав и преимуществ, и заключению в тюрьме по первой степени (от 1 года 4 месяцев до 2 лет) или по второй степени (от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев)⁵⁷.

Занимавшиеся в виде промысла выдачей в ссуду сельским обывателям:

1. Хлеба или других припасов;
2. Денег под условием оплаты денежного долга частью или целиком хлебом, припасами или работой, а также, если ростовщик воспользовался крайним тягостным положением заемщика (чрезмерно обременительными условиями, не соответствовавшими местным обычаям), то он подвергался в первый раз аресту на срок не свыше 3 месяцев, во второй и последующие случаи – заключению в тюрьму на срок от 1 до 6 месяцев.

Сделка, заключенная при вышеуказанных обстоятельствах как ростовщическая, признавалась недействительной. В этом случае заимодавец лишался права получения назад выданных им хлеба, припасов или денег за вычетом уже полученного по ссуде⁵⁸.

Занимавшиеся скупкой зерна у крестьян за приобретение у них по несоразмерно низкой цене хлеба на корню, снопами или зерном (если при совершении сделки скупщик заведомо воспользовался крайне тяжелым положением продавца), подвергались в первый раз аресту на срок не свыше 3 месяцев, а во второй и последующие случаи – заключению в тюрьме на срок от 1 до 6 месяцев. Кроме того, на покупателя возлагалась обязанность доплатить продавцу разницу между уплаченной суммой и действительной ценой продажи хлеба⁵⁹.

Размер процентов

Определение размера процентов предоставлялось взаимному соглашению договаривающихся сторон⁶⁰. Размер роста за пользование

⁵⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СЗ. Т. XV. Ст. 180.2.

⁵⁷ Уложение о наказаниях // СЗ. Т. XV. Отд. 9. Ст. 1707.

⁵⁸ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СЗ. Т. XV. Ст. 180.3.

⁵⁹ Там же. Ст. 180.4.

⁶⁰ Свод законов гражданских // СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 2020.

капиталом должен был быть определен в обязательстве, выданном должником займодавцу. Если это условие не было оговорено, то рост автоматически устанавливался в 6% в год⁶¹. Проценты начислялись только на сам капитал (ссуду). Даже если должник не платил в течение года, то проценты устанавливались как узаконенные в 6% в год⁶².

Таким образом, законодатель пытался регулировать этот промысел, хотя ни взять его под тотальный контроль, ни ликвидировать окончательно не представлялось возможным.

Долгое время внимание общественности привлекала деятельность, в основном, городских ростовщиков. На селе до отмены крепостного права их услугами пользовались, как правило, помещики, однако с его отменой и расслоением крестьянства многие обедневшие селяне неизбежно начинают втягиваться в сферу их влияния. Появляется и фигура сельского ростовщика, как правило, разбогатевшего односельчанина, который постепенно отходит от собственно крестьянских занятий (прежде всего земледелия) и начинает заниматься, например, торговлей, одновременно ссужая зерно и деньги в рост.

В конце XIX – начале XX в. ростовщичество в сельском хозяйстве воспринимается уже как настоящее бедствие. Малоземелье и неурожай, постоянная нехватка средств все время толкали крестьян в объятия сельских ростовщиков (кулаков, мироедов), осуществлявших кредит деньгами и семенами под обеспечение будущего урожая, который затем продавался по заниженным ценам. Из-за этого зажиточная верхушка крестьянства предпочитала не столько вкладывать накопления в сельскохозяйственное производство, сколько направлять их в торговоростовщические операции для эксплуатации пауперизированного крестьянства⁶³.

Ростовщики опутали все категории сельского населения – и помещиков, и крестьян, и сельскую интеллигенцию. Например, в Новгородской губернии в изучаемый период в исключительно тяжелом положении находились рыбаки («ловцы»), промысел которых был под полным контролем ростовщиков-перекупщиков. Местное купечество-ростовщичество взимало с рыбаков проценты от 100–200% и выше, кредитование ловцов осуществлялось только предметами лова и продуктами. Отдача – только рыбой и по самой низкой цене. Фактически

⁶¹ Свод законов гражданских // СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 2021.

⁶² Там же. Ст. 2022.

⁶³ Гиндин И. Ф. Ростовщичество // Советская историческая энциклопедия. М.: СЭ, 1969. Т. 12. С. 221.

приказчиками кулака являлись руководители артелей – «ватаманы», зачастую и сами бывшие ростовщиками⁶⁴.

За городскими ростовщиками осуществлялся определенный надзор со стороны полиции и властей, но на селе их промысел был практически бесконтрольным. Если в городе ростовщики редко были у кормила власти, то в деревне они зачастую были настоящими хозяевами, занимая и должности по сельскому управлению.

Ситуация была очень серьезной и привлекала к себе внимание общественности, прежде всего земских деятелей, которые обсуждали ее на страницах печати и прежде всего – «Вестника Новгородского земства». Авторы и корреспонденты «Вестника» неоднократно поднимали проблемы негативного влияния этого явления на сельское хозяйство и ремесло, а также вопросы борьбы с ним. Рассмотрим некоторые из них, наиболее характерно отражающие состояние дел с ростовщицеством в новгородской деревне.

Проценты, взимаемые сельскими ростовщиками, были довольно высоки – до 200% и более, хотя, при хорошем урожае они не выглядели чрезмерными – взял мешок семян взаймы, отдал два (до 70% крестьянских хозяйств нуждались весной в семенах). Однако при постоянных неурожаях платить приходилось не из доходов, а посредством реализации самого необходимого имущества – скота, инвентаря и проч. «Едва ли какое либо зло более разъедает экономическую жизнь сельского населения и его платежные силы, нежели бескредитность, породившая особую бытовую форму сельского ростовщицества. Под игом ростовщика крестьянское хозяйство идет к верному разорению. Если землевладельцы не находят возможным платить с земли 6 и 5%, то как может крестьянин платить 60–200% и более процентов!»⁶⁵

Пользуясь темнотой и бесконтрольностью крестьян, ростовщики разрабатывали различные схемы, позволявшие им не только уходить от ответственности, но даже и не выдавать нуждавшемуся всю ссуду целиком: «вопли разоряемой деревни доходили и до правительства. Оно искренне желало избавить деревню от зла кулачества. Был издан закон, сурово преследующий ростовщицество, но на практике он не привел ни к чему, потому что подвергался обходам. Обличить во взимании высокого процента совершенно невозможно, да и вовсе не в интересах лица, нуждающегося в кредите. Я крайне нуждаюсь в 100 руб.; за отсутстви-

⁶⁴ *Корешкова Т. А.* Земские склады сетей и рыболовных принадлежностей в Новгородской губернии (1902–1914 гг.) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы XI науч. конф. историков-архивистов, 26–27 мая 2011 г. / отв. ред. Я. А. Васильев. Великий Новгород, 2012. С. 44–49.

⁶⁵ *Филитович А.* Мелкий кредит в Старорусском уезде // Вестник Новгородского земства (далее – ВНЗ). 1902. № 15. С. 31–34.

ем кредитного товарищества, очевидно, я должен обратиться к так называемому ростовщику. Он желает взять 20–30%; если мне деньги нужны и взять их у более сговорчивого заимодавца не предвидится, я скрепя сердце, пишу вексель на 100 р., и получаю 80 р. или 70; остальное – проценты. Сделка совершена между нами, о проценте в векселе ни слова, – попробуйте привлечь того, у кого вексель, к ответственности?»⁶⁶

Формы ростовщического кредита были разнообразны. Так, по свидетельству крестьянина М. А. Прохорова в деревне Прилуки Новгородского уезда: «В летнее время в 1900-е гг. разовая ссуда у лавочника могла составлять до 10–15 руб. продуктами и до 5 руб. деньгами (при неисправных весах и гирях) под покупку урожая за копейки: «Лавочник кулак выручает – кого на 10 руб., кого – на 15 руб., а кого и на 20 руб., под расписку конечно, но с тем условием, чтобы крестьянин запродавал ему клевер и тимофеевку по 20 коп. за пуд, тогда как уже в конце июля дают по 30 коп.; товар же отпускает по дорогой цене против прочих торговцев; на ржаной муке, например, кулак берет 60 коп. лишка на мешок, ставит по 4 руб. 80 коп., а на деньги можно купить за 4 руб. 20 коп. При продаже клевера тоже крестьянин терпит: весы неправильны, тяжеловесные камни вместо гири, непроверенных официально; бывает, что 2-х пудовая гиря тяжелее казенной на 3 фунта, а то и на 15 фунтов.

А то вот и другая потеря. Осенью мужички нанимаются к лесопромышленникам возить лес и дрова на берег реки Волхова, для сплава и получают в задаток 10 руб., за работу же им дают низкую плату, тогда как подрядившиеся потом, без задатка, получают больше. Например, подрядившиеся <...> получают 6 руб. платы, а не обязавшиеся получают 6 руб. 50 коп. и 7 руб.»⁶⁷

В зависимости от ростовщиков находились и другие крестьяне, даже занимавшиеся доходным, на первый взгляд, промыслом. Так у крестьян-молочников из-за связи с купцами и ростовщиками потери составляли часто от 30 до 50%, особенно в случае покупки у них товаров в кредит по завышенным ценам⁶⁸.

Как отмечалось, в тяжелой зависимости от ростовщиков находились рыбаки («ловцы») Новгородчины. Вот как сложилась ситуация, например, в 1902 г.: «Выражаясь главным образом в задавании вперед на целый год денег, пеньки, пряжи и всех необходимых ловцу материалов, с обязательством уплачивать долг исключительно рыбой, по самой низкой цене, специально-ловецкое кулачество, как особый вид ростов-

⁶⁶ Н. О. О борьбе с кулачеством (по поводу заметок – «голос крестьянина») // ВНЗ. 1905. № 23–24. С. 51.

⁶⁷ Прохорова М. А. Из дер. Прилуки, Высоковской вол., Новгородского уезда // ВНЗ. 1903. № 16.

⁶⁸ Корешкова Т. А. Крестьянские промыслы по переработке молока в Новгородской губернии и новгородское земство // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Вып. 12 (22). С. 402.

щичества (100–200% годовых!), является особенно опасным в настоящем неурожайном и непромышленном году. <...> Ловецкое население, после отсутствия заработков и ловли в продолжении полугода, не имея ни хлеба, ни кормов, в буквальном смысле слова начинает голодать»⁶⁹.

Земский работник И. Кучин, много занимавшийся вопросам рыбо-разведения, столкнулся с подобной ситуацией и нарисовал портрет типичного сельского мироеда Поозерья: «К сожалению, львиная доля заработков крестьянских семей переходит в руки богача Савелия Иванова Морозова, живущего в с. Борисове. Вся Коростынская и часть Дубовицкой волостей – у него в руках. У Морозова и мелочная лавка, и склад пеньки, хлеба, дров, снетков и сетей, а также ломбард для заклада всевозможных вещей. Сети, скупаемые им за 25–40 коп, продаются по 40–60 коп за сажень. За хранение заложенных сетей взимается сколько вздумается, смотря по размеру нужды закладывающего, в среднем от 7 до 10 коп с сажени. В итоге на долю сетевязальщика получается в день от 1 до 8 коп. А нередко приходится работать даже в убыток, не оправдывая затрат на пеньку, лишь бы не сидеть без дела.

Склад-ломбард, устроенный где-нибудь вблизи Устрики, куда по-купатель съезжается со всего озера, казался бы мне лучшим исходом из трудного положения. Но как и кого убедить устроить такой склад, не-волью задавал я себе вопрос и на первых порах обратился к уездному земству»⁷⁰.

Другим способом борьбы с местными ростовщиками земство считало устройство кредитных и других товариществ, потребительских обществ, общественных ломбардов. Некоторые шаги в этом направлении предпринимались, но были в общем масштабе недостаточны.

А. М. Тютюмов считал, что: «Устройством кредитных товариществ достигаются вполне реальные результаты по улучшению быта рыболовов, – оно дает возможность им освободиться от эксплуатации ростовщиков. Трудом И. В. Кучина создано Ильменское кредитное товарищество, которое функционирует вполне правильно. По этому примеру могли бы создаваться другие товарищества, которые помогли бы населению избавиться от эксплуатации скупщиков.

Вл. Вл. Карцов заявил, что он близко знаком с делами кредитных товариществ, организованных И. В. Кучиным, и подтверждает, что, действительно, благодаря этим товариществам население буквально было вырвано из рук скупщиков. Участие И. В. Кучина в этом деле сыграло громадную роль, – без него едва ли возникли бы эти товарищества»⁷¹.

⁶⁹ Кучин И. Летнее и осеннее рыболовство на больших озерах в 1902 г. // ВНЗ. 1902. № 23. С. 19.

⁷⁰ Кучин И. Помощь рыболовному населению в Старорусском уезде // ВНЗ. 1905. № 9. С. 47.

⁷¹ Н. М. Очередное губернское земское собрание // ВНЗ. 1905. № 7. С. 12.

Однако существование кредитных товариществ, несмотря на значительный размах их деятельности, отнюдь не было безоблачным. Напротив, учреждавшиеся повсеместно в большом количестве, что облегчалось помощью Государственного банка, товарищества составили значительную конкуренцию местному ростовщичеству, что вызвало у ростовщиков ответную реакцию.

Вот как оценивали данную ситуацию в одном из кредитных товариществ Старорусского уезда Новгородской губернии: «По недостатку оборотных средств, товарищество в настоящее время не может обслуживать кредитом своих членов в достаточной степени и пока принуждено мириться с тем фактом, что многие, пользуясь кредитом в товариществе, в то же время, кредитуются на тяжелых условиях у местных лавочников, но последние, признавая товарищество учреждением нежелательным, стараются вредить ему, не разбирая средств <...>»⁷².

Потребительские общества тоже явились действенным средством борьбы с ростовщиками. Вот как выглядела ситуация в Тихвине: «Наш уездный городок до сих пор находился далеко от станции железной дороги (130 верст), и местные торговцы умели использовать это для своей выгоды, поднимая цены очень высоко, будучи монополистами без конкуренции. Тяжело отзывалось это на бедном населении, так как главный предмет продажи местному населению составляет хлеб (своего хлеба не хватает и до Рождества) и другие предметы первой необходимости. И вот 9 лет тому назад кружок интеллигентных лиц решил создать общество для борьбы с этой монополией на цены. Такова была цель возникновения нашего общества потребителей. По уставу общество имело право открывать в уезде деревенские лавки. Дело это привлекло симпатии как со стороны некоторых интеллигентных лиц со средствами, открывших обществу широкий кредит, так и со стороны населения. Обороты общие быстро росли и через 4–5 лет перешли за сто тысяч. Удалось выхлопотать и ссуду из Государственного банка на хлебную операцию в 50 000 рублей. Было открыто 5 деревенских лавок. Прибыль была велика и достигала до 26% на паевой капитал и 12% на забранный товар»⁷³.

Однако в отношении самостоятельных кредитных учреждений и их эффективности высказывались и противоположные мнения: «Что же касается открытия правительственных кредитных банков в селах, то этим еще не все сказано. Надо задаться вопросом, будут ли они доступны массе населения, не будут ли страдать обычным канцеляризмом и формальным отношением к запросам жизни. Перед нами примеры кре-

⁷² Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Книга протоколов 1-го Ильменского кредитного товарищества (1904–1905 гг.). Л. 4.

⁷³ Е. Г. Тихвин // ВНЗ. 1905. № 7. С. 36.

дитных товариществ; им государственный банк выдает в основной капитал тысячу рублей; за эту тысячу оно взваливает массу работы по отчетности, так что роль банка в деле развития товариществ подлежит большому сомнению, То же может повториться и с самостоятельными банками»⁷⁴.

Известный исследователь кооперативного движения в России Н. О. Осипов выделял коренной, на его взгляд, порок всей организации системы мелкого сельского кредита в России – недоверие учредителей к ведению дел членами этого кредитного учреждения. Он утверждал, что кредитоспособность крестьянина заключается не в состоянии его хозяйства, а в его трудолюбии, способности к труду, в доверии к его личности. Н. О. Осипов считал, что, исходя из направленности уставов ссудо-сберегательных товариществ, некредитоспособны те крестьяне, у кого имеется меньше 1 лошади, 1 коровы, 1 избы, 1 телеги, 25 пудов семян, а сельские ростовщики (для борьбы с которыми во многом и задумывались ссудо-сберегательные товарищества) верят, тем не менее, и таким крестьянам, причем без оформления всяких бумажек по ссуде⁷⁵.

Интересным опытом по борьбе с ростовщиками (к сожалению, практически исключительно городскими) стало создание городскими думами сети общественных ломбардов, в том числе и в уездных городах. Однако число их всегда было небольшим, а средства незначительны, поэтому они не могли оказать помощь всем нуждавшимся. В Новгородской губернии общественные ломбарды действовали только в трех уездных центрах из одиннадцати. Кроме того, они постоянно нуждались в финансовой и кадровой поддержке городских органов, которая оказывалась нечасто. Тем не менее, в конце XIX в. организация учреждений ломбардного кредита, где нуждавшиеся могли бы получать ссуду под небольшие проценты, считалась действенным средством борьбы с ростовщичеством.

Изучение зарубежного опыта показывало, что при умелой постановке дела и его хорошей организации ломбарды могут составить хорошую конкуренцию ростовщикам. В Италии и Германии ломбарды учреждались с XV в., во Франции и Англии – с XVIII в., некоторые – на благотворительных началах. До конца XIX в. в России подобные опыты были единичны и малоуспешны⁷⁶.

Впрочем, в России имелся некоторый опыт организации залога хлеба на льготных условиях (правда, на практике это применялось ма-

⁷⁴ Н. О. О борьбе с кулачеством (по поводу заметок – «голос крестьянина») // ВНЗ. 1905. № 23–24. С. 51.

⁷⁵ Осипов Н. О. Обзор деятельности ссудо-сберегательных товариществ и проект организации сельского кредита. СПб., 1893. С. 140–150.

⁷⁶ Серебряков Я. А. Городские ломбарды в России. СПб., 1907. С. 3; Кирилов И. А. Ломбарды в России. М., 1992. С. 6–7, 10, 48.

ло). Пионером в организации этого вида сельского кредита может считаться крестецкое уездное земство Новгородской губернии, которое с 1866 г. начало практиковать выдачу ссуд под заклад хлеба (на занятые у губернских земских органов 10 тыс. руб.). Зерно принималось от крестьян осенью, чтобы предотвратить его продажу за бесценок. Весной зерно возвращалось крестьянам для посева или продажи по более высокой цене. Кроме того, оно могло приниматься в уплату казенных и земских повинностей. По ссуде взималось от 8 до 10% с оборотной суммы. Операция развивалась, в общем, успешно, и 25 лет спустя, к 1891 г., в уезде уже существовало 80 хлебных складов подобного рода⁷⁷. Аналогичные операции в 90-х гг. XIX в. осуществлялись земством в Ельце, Сумах, в Полтавской, Воронежской, Тверской, Самарской, Курской, Нижегородской, Тамбовской, Петербургской, Симбирской, Вятской губерниях. Государственный банк также осуществлял выдачу ссуд под залог зерна. Тем не менее, это не могло быть признаком полноценной, стабильно действующей системы ломбардного кредита.

В этой ситуации городские думы попытались организовать ломбарды на муниципальные средства. Одним из первых в России и первым в Новгородской губернии был учрежден городской ломбард в Тихвине (с 1889 г.). В 1891 г. открылся ломбард в Старой Руссе, в 1894 г. – в Новгороде. В 1912 г. был утвержден устав Белозерского городского ломбарда, не успевшего, однако, развернуть своих операций до Первой мировой войны. При определенных успехах, ломбарды все же не смогли оказать ростовщикам действенной конкуренции из-за недостатка свободных городских средств и просчетов в организации деятельности⁷⁸.

Вот как выглядела ситуация с Тихвинским городским общественным ломбардом (одним из «симпатичнейших общественных учреждений»), вынужденным сокращать свои операции по закладу вещей малоимущими:

«Среди нуждающегося люда послышался ропот на безучастное отношение города к нуждам населения. Одновременно с этим стали возрождаться пропавшие было негласные ростовщики, которые стали бесцеремонно брать за выдаваемые ссуды по 10 к. на 1 р. в месяц; в ограждение же себя от уголовной ответственности эти благодетели отбирали от своих клиентов расписки в продаже им представленных вещей. При этом ростовщики принимали лишь ценные вещи: шубы, рогонды и пр., отказывая в выдаче мелких сумм по 1 р. и по 2 р. Что в

⁷⁷ Кирилов И. А. Ломбарды в России. С. 10; Н. М. Очередное губернское земское собрание // ВНЗ. 1905. № 7. С. 12.

⁷⁸ Васильев Я. А. Городские общественные ломбарды Новгородской губернии (1889–1914) // НИС. Вып. 15 (25). Великий Новгород, 2015. С. 245–277.

таком случае оставалось делать бедноте? Куда идти с закладами в тяжелые жизненные моменты?

В данном случае простой здравый смысл прямо обязывал город увеличить оборотные средства ломбарда, по примеру того, как это было сделано им 10 лет тому назад»⁷⁹.

Впрочем, как отмечалось, оказать значительную помощь неимущему населению общественные ломбарды не могли. Даже проценты, взимавшиеся ими по закладам, сложно считать умеренными (хотя они и создавались именно для борьбы с ростовщиками). Так, за пользование ссудами ломбарды Новгородской губернии взимали проценты: 1% в мес. за ссуду и 0,5% за страхование залога, хотя § 11 его Устава предусматривал и меньший размер процентов. Таким образом, это составляло 18% годовых – размер, который нельзя назвать благотворительным⁸⁰. Например, в западноевропейских муниципальных ломбардах в начале XX в. взималось около 3–4% годовых⁸¹. В то же время, размер ссудного процента в ломбардах Новгородской губернии был одним из самых низких по стране, в среднем, подобные учреждения взимали большие проценты, например один из высших был в Полтавском ломбарде – до 30%, в Петроградском городском ломбарде он составил 14–18%, в Московском – около 15%, в Ссудных казнах – от 6,11 до 6,32%. Сравнительно с этим, дешевый кредит по ссудам под залог вещей оказывал Государственный банк – 4% (но он, как правило, не имел в числе своих клиентов простых российских обывателей). Частные ломбарды, как правило, взимали 12% за ссуду, 12% за страховку и 12% за хранение, то есть, около 36% в год. Размер ростовщического кредита, как уже отмечалось выше, мог достигать 120% годовых⁸².

Подобную ситуацию отмечал и И. Ф. Гиндин: «процентные ставки городских ломбардов, т. е. принадлежавших городским самоуправлениям, которые как будто не должны были руководствоваться чисто коммерческими интересами, составляли:

Петербург и Москва	12–18%
Провинциальные ломбарды	18–30%
Германия	6,6–12,5%
Париж.....	7%
Брюссель	4,5–6%

⁷⁹ Л. Г. Непростительное равнодушие к полезному делу // ВНЗ. 1902. № 8. С. 1–3.

⁸⁰ Серебряков Я. А. Городские ломбарды в России. СПб., 1907. С. 25–28.

⁸¹ Кириллов И. А. Ломбарды в России. М., 1992. С. 48.; РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд под залог вещей. Л. 4 об.

⁸² Кириллов И. А. Ломбарды в России... С. 48.

Невероятно высокие ставки русских ломбардов также косвенно показывают, насколько распространен был даже в городах ростовщический кредит»⁸³.

Земский деятель И. Кучин пропагандировал идею земских сельских складов-ломбардов, прежде всего для рыбаков (ловцов), где можно было на льготных условиях заложить сети, лодки и проч., получив средства для организации лова помимо ростовщиков⁸⁴. Другим способом борьбы он считал организацию крестьянских и рыбацких кредитных товариществ и даже сумел организовать несколько таких, например, Ильменское, функционировавшее достаточно успешно⁸⁵. Деятельность его вызвала резкое недовольство местных лавочников, которые, как уже отмечалось, «стараятся вредить ему, не разбирая средств»⁸⁶. Реальную помощь населению могла также оказать организация потребительских обществ⁸⁷.

Однако расцвет этих учреждений, созданных на кооперативных началах, придется только на 1910-е гг., когда им начнет оказываться ощутимый государственный кредит, будут приняты соответствующие законы. До этого периода земским и городским органам приходилось рассчитывать, в основном, на свои силы. Отсутствие государственной помощи, прежде всего, в создании действенной законодательной базы, стало одним из факторов отсутствия заметных успехов в борьбе с ростовщичеством.

Одним из социальных слоев, серьезнейшим образом зависимых от ростовщиков, как города, так и деревни были учителя. Небольшое и нерегулярно выплачиваемое жалование, неустроенный быт и прочие проблемы очень часто приводили их в сферу ростовщического кредита. Вот как оценивает эту ситуацию современник (цитата достаточно длинная, но она наглядно характеризует эту ситуацию):

«Кредит и его условия. Неблагоприятные условия, с которыми связано получение жалованья: задержки, поездки и проч., вынуждают учащего по необходимости пользоваться кредитом. Всего кредитовались в 1904/5 учебн. году 317 лиц, причем для большинства из них это связано было с невыгодными условиями, которым неизбежно приходится подчиняться.

Это – кредит не на развитие какого-либо предприятия, а с кредитом на прожитие, т. е. он не может содействовать увеличению матери-

⁸³ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М.: Госфиниздат, 1948. Гл. 6. С. 251.

⁸⁴ Кучин И. Летнее и осеннее рыболовство на больших озерах в 1902 г. // ВНЗ. 1902. № 23. С. 19; Кучин И. Помощь рыболовному населению в Старорусском уезде // ВНЗ. 1905. № 9. С. 47.

⁸⁵ Н. М. Очередное губернское земское собрание // ВНЗ. 1905. № 7. С. 12.

⁸⁶ ГАНУ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1. Книга протоколов 1-го Ильменского кредитного товарищества. (1904–1905 гг.). Л. 4.

⁸⁷ Е. Г. Тихвин // ВНЗ. 1905. № 7. С. 36.

ального достатка, а, наоборот, уменьшает его. Из числа 317 кредитующихся лиц только 134 находились в благоприятных условиях, так как пользовались денежным кредитом без всяких условий, 12 лиц – брали деньги без процентов, но на определенный срок, 37 лиц вынуждены были платить от 8 до 12% , но были и такие случаи, когда эти проценты засчитывались не за годичный срок кредита, а двух-трех-месячный; в таких случаях проценты приходилось платить страшно высокие.

Среди учителей часто практикуется кредит под залог доверенности на получение жалования, чаще всего – когда приходилось отовариваться в лавочке местного торговца. Доверенность приобретает характер бумажных денег и поступает в оплату торговцу за приобретенный товар. В отдельных случаях «милостивые» торговцы, снисходя к просьбам учащихся, выдают под доверенность, кроме товара и несколько рублей деньгами. Этот вид кредита особенно тяжел. Во-первых, за доверенность на получение 20 руб. жалования дают только рублей 16–17; во-вторых, эту сумму приходится получать товаром, переплачивая при этом большие деньги. Но особенно тяжел этот вид кредита своей моральной зависимостью учащего от местного торговца, иногда мироеда. Это особенно тяжело, так как интеллигентный человек не может помочь крестьянам, опутанным паутиной этого паука, ибо сам находится в такой же зависимости. Так создается некое крепостное право, рабство. 24 лица кредитуются под залог доверенности, 116 – без нее.

Таким образом, надо улучшать не только правовое, но и материальное положение учителей. Это позволит сделать его независимым от других лиц. <...> тяжела иногда бывает эта зависимость – говорить не приходится, каждому ясно.

Оградить учащего от подобных положений можно было бы лишь своевременной уплатой ему жалования. Вместе с этим, в экстренных случаях для учащего должен быть сделан доступным беспроцентный кредит. Это дело в настоящее время уже организовано учительским обществом взаимопомощи, но недостаток средств общества не позволяет ему широко развить ссудную операцию, однако, экстренные случаи крайней нужды, по нашему мнению, общественной кассой ссуд всегда могут быть удовлетворены и в настоящее время. Развитию ссудного дела поможет учреждение уездных отделений общества, которое, несомненно, должно вскоре последовать»⁸⁸.

Таким образом, в связи с серьезностью проблемы, связанной с заисьем ростовщиков, на страницах «Вестника Новгородского земства» высказывались и различные способы борьбы с ним, некоторые могли оказаться достаточно действенными.

⁸⁸ Самсонов В. Быт учащихся в Новгородской губернии. Гл. VI. Материальное положение. А. Приход // ВНЗ. 1906. № 17. С. 26–28.

Так, например, организация ссудосберегательных и кредитных товариществ, земских складов и лавок, выдача кредитов и ссуд, раздача пеньки и др., покупка земством у крестьян и рыбаков продуктов и рыбы по нормальной цене, а также взятие в залог, организация сельских ломбардов должны были вырвать тружеников из лап ростовщиков. Необходимо было большее внимание к проблемам городских ломбардов со стороны правительства, городских властей, представителей крупного капитала, создание для них льготных условий функционирования, что могло бы не только улучшить и расширить их работу среди малоимущего населения, но и снизить влияние ростовщиков. С другой стороны, некоторые потребительские общества сами постепенно могли превращаться в кормушку для ростовщиков и кулаков.

Появлялись и новые, более активные формы борьбы с ростовщичеством. Так, в 1906 г. во время весеннего сплава крестьяне устроили забастовку и добились у работодателей более высокой оплаты не по 40–50 к. за 18 час., а 1 р. – за 10 часовой рабочий день⁸⁹.

Однако, несмотря на разработку новых методов борьбы с ростовщичеством, значительных успехов в этом отношении достичь не удалось. Изменялось, мимикрировало и само ростовщичество, принимавшее новые формы и изобретавшее новые учреждения, в стенах которых можно было осуществлять ссудную деятельность.

Возможно, одной из них стала комиссионерская контора, дело об открытии которой рассматривалось в 1913–1914 гг., когда два новгородских обывателя – И. И. Кукин и И. В. Шарашкин подали прошение об организации комиссионерской конторы 2-го разряда под названием «Коммерческий посредник»⁹⁰. «Программа» деятельности проектируемого заведения была очень широка:

«... § 1. Контора принимает на себя:

1. Посредничество при покупке и продаже всякого рода движимого и недвижимого имущества
2. Посредничество по приисканию и помещению капиталов
3. Посредничество по найму и отысканию домов и всякого рода помещений и
4. Приискания лиц на частные должности и службы (Прим.: Рекомендация лиц, занимающихся педагогической деятельностью и адвокатурой конторе не дозволяется.)»

⁸⁹ *Крестьянин Г. Соловьев* // ВНЗ. 1906. № 14. С. 44.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1913 г. Д. 164. О разрешении Кукину и Шарашкину открыть в г. Новгороде комиссионерскую контору 2-го разряда под названием «Коммерческий посредник».

Далее еще шли 5–10 параграфов, регламентировавших сами операции. Заметим, что при столь широком разбросе занятий, выдача ссуд в программе конторы указана не была, однако п. 2 – особенно «посредничество по приисканию капиталов» такую возможность дает.

Окончательно устав был утвержден 19 марта 1914 г.⁹¹ Министерство торговли и промышленности (Отдел торговли) не нашло препятствий к удовлетворению ходатайства, с тем, чтобы эта контора была подчинена по действиям к ст. 46 Устава торгового (изд. 1903 г.)⁹²

Кто же были учредители этой конторы, возникшей на взлете кооперативного движения?

Из прикрепленной к делу справки следует (подписана помощником пристава 2-й части Новгорода Л. П. Шимковичем. – Я. В.), что сын новгородского купца Иван Васильевич Шарашкин состоит доверенным Калинкинского пиво-медоваренного завода, получал жалования 100 р. в месяц. Лично сам никакого имущества не имел. Жил при отце, который владел в Новгороде недвижимым имуществом и занимался торговлей (всего на сумму – около 50 тыс. руб.). Шарашкину было 27 лет, женат, имел 3 детей, из которых старшему – 5 лет. Поведения «хорошего», судим и ни в чем предосудительном замечен не был.

Коллежский регистратор Иван Ильич Кукин, 35 лет, служил в Управлении земледелия и Государственных имуществ Новгородской губернии, бухгалтером по продаже казенных земель, получал жалования с наградными 1200 руб. в год. Кроме службы средств не имел. Женат, трое детей. Поведения «хорошего», судим не был и ни в чем предосудительном также замечен не был. Впоследствии И. И. Кукин права полностью передал И. В. Шарашкину. Залог в 7500 руб. вносил последний⁹³.

Таким образом, проблема ростовщичества (особенно сельского) продолжала оставаться весьма серьезной вплоть до начала XX в. К сожалению, изучение этого явления значительным образом затруднено отсутствием каких-либо официальных данных о деятельности ростовщиков, их отчетности и проч. Парадоксально, но при широком обсуждении этого вопроса в печати и органах управления сведения о ростовщиках крайне немногочисленны и носят, скорее, полемический характер. Например, в «Памятных книжках Новгородской губернии» (1858–1916) ссудные кассы не упоминаются, как нет сведений об их содержа-

⁹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1913 г. Д. 164. О разрешении... Л. 13.

⁹² Там же. Л. 6.

⁹³ Там же. Л. 6.

телях и в результатах переписи 1897 г. по Новгородской губернии⁹⁴. В связи с этим выявление реального распространения ростовщичества (особенно как промысла), размера его оборотов, степени влияния на местное хозяйство и общество представляется важной задачей в плане исследования социально-экономической жизни дореволюционной России.

⁹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. [Б. м.] : Издательский центр стат. комитета М-ва внутр. дел, 1901. Т. 26: Новгородская губерния: Тетрадь 1. 63 с.; 1903. Тетрадь 2. 247 с.